

А. С. ОРЛОВ

Дева-лебедь в Слове о полку Игореве

(параллели к образу)

Символы и метафоры печали по поводу поражения русских «погаными» как на брезе быстрой Каялы, так и при междоусобиях княжеской братьи сложились для нас в целый узел загадок:

«Уже бо, братие, невеселая година встала, уже пустыни силу прикрыла. Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синемъ море, у Дону плещучи»...

В этой сложной картине мы выделим лишь образ девы с лебедиными крыльями и попытаемся разобраться в наличии его параллелей.

Как установили еще наши мифологи — Буслаев, Афанасьев, Орест Миллер, дева-лебедь, дева-птица — образ, свойственный многим старым литературам и в особенности фольклору. Так, лебединой оболочкой, крыльями или пернатыми сорочками обладали скандинавские валькирии, героини Эдды (Фрея) и Нибелунгов, югославянские вилы, девицы-оборотни немецких и русских сказок и былин.

В русском сказочном материале обычной является тема о мудрой невесте или жене, которая чудесным способом исполняет за молодца, овладевшего ее свободой, непосильные никому поручения ее отца, морского царя или иного волшебного владыки. Овладение происходит так. К озеру или морю прилетают 3, 12, 13, 33 и т. д. уток, колпиц, лебедушек или голубушек, ударяются о сырую землю и оборачиваются красными девушками, снимают сорочки или крылышки, и, пока купаются, сорочку, крылышки или кушачек одной из этих девиц, оказывающихся сестрами, похищает молодец, чаще всего царевич, заранее обреченный морскому владыке. Все девицы, кроме лишенной одеяния, улетают; улетает затем и она, выпросив похищенное под обещанием выхода замуж. В других сказках неисполнимые поручения налагаются царем на своего стрельца, солдата или еще кого, чтобы отнять у него добытую из пернатых девиц жену, в которую царь

влюбляется с первого взгляда. Иногда птицы-девушки прилетают не на воду, а в свой дворец на лесной поляне, куда забрел было герой рассказа. Примыкающей к данной серии можно считать сказку Афанасьева о солдате и о порученных его наблюдению дочерях нечистого духа (в. VII, М., 1863, № 41 — «Елена Премудрая»). Когда эти девушки обертываются голубками, чтобы лететь на обучение к Елене Премудрой, солдат следует за ними малиновкой.

Интересна сказка Афанасьева о Даниле Бесчастном, использовавшая былинные имена и былинные мотивы (в. VI, М., 1862, № 60). У князя Владимира в Киеве был Данило Бесчастный дворянин, не получавший от князя ничего, кроме тычков. Накануне пасхи князь велит ему шить к празднику шубу с волшебными пуговицами из зверей ревущих и птиц поющих. Встречная старуха научает Данилу подстеречь на море Чудо-Юду и потребовать от него, «чтоб явилась Лебедь-птица, красная девица; сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тела бы кости казались, сквозь костей бы в примету было, как из косточки в косточку мозг переливается, словно жемчуг пересыпается». Явившаяся Лебедь-птица обещала Даниле сделать заказанную шубу, если он возьмет ее, девицу, за себя. При помощи чудесных слуг своего отца Лебедь в одну ночь строит Даниле дом и изготавливает шубу, но предупреждает его на пиру Владимира не напиваться и не хвататься. Алеша Попович, бабий пересмешник, перехватил у Данилы золотое яичко, а когда, напившись на пиру, Данила расхвастался женой, Алеша налгал, что будто жил с нею, и в доказательство обманом добыл ее цепочку. Данила обо всем рассказал Лебеди. Та велела ему позвать к себе в гости князя с приближенными, перекинула для этого мост через три реки, текшие вином, и когда весь поезд здесь переплылся, а доехали только князь с княгиней, Алеша да Данило, Лебедь к ним не вышла. Когда же Алеша погрозил, что свою-то жену он научил бы, как мужа слушаться, «Лебедь-птица, красная девица, вышла на крылечко, молвила словечко: «вот де, как мужей учат», крылышком махнула, головкой кивнула, взвилась-полетела, и остались гости в болоте на кочках».

Вполне стильной представительницей своего жанра является былина о богатыре Михаиле Ивановиче Потоке и его жене, которая именуется то Авдотьей, то Марьей Ле(и)ховидье(до)вной, Лиходеевой, с постоянным прозвищем «Лебедь-белая». Тексты этой былины, записанные еще в XVIII в., не вполне согласны между собой, но в общем к Потоку привязаны три темы: 1) встреча Потокон на заказанной или случайной охоте лебеди, обернувшейся затем девой, и женитьба на ней; 2) погребение живого Потока

в одной могиле с мертвой женой, согласно условленному на их свадьбе. 2) воскрешение жены; 3) выдача жены Потока царю Золотой орды Кашею за снятие им осады с Киева; измена Потоку жены, ставшей любовницей Кашея; обращение Потока женою в камень и казнь ее богатырями.

Образ лебединой супруги Потока и привлекает и отталкивает. Особенно привлекательна она в тексте Кириши Данилова. Когда, наохотившись у синего моря, Поток хочет еще ехать «посмотреть на тихия заводи — и увидел белую лебедушку: она через перо была вся золота, а головушка у ней увивана красным золотом и скатным земчюгом усажена. Вынимает он Поток из налушна свой тугой лук, ис колчана вынимал калену стрелу . . . ; а и чуть боло спустить калену стрелу, провещитца ему лебедь-белая Авдотьюшка Леховидьевна: ай ты Поток Михайла Ивановичь, не стреляй ты мене, лебедь-белую, не в кое время пригожуся тебе. Выходила она на крутой бережок, обвернулася душой красной девицей . . . » Поток «сохвтал девицу за белы ручки и целует ее во уста сахарныя. Авдотьюшка Леховидьевна втапоры болно ево уговаривала: а ты Поток Михаила Ивановичь, хотя ты на мне и женишься, и кто из нас прежде умрет, второму за ним живому во гроб итьти». В других старых записях это условие, как состоявшееся между супругами, впервые высказывается Потоком перед трупом его жены. Но не только в этом условии, а и в самом имени жены Потока сказывается нечто злое. Отчество ее указывает или на «лихо», или на происхождение из неверной, ляхской земли (ср. «леховицкая» земля в былинах о Ставре). В эпизоде с Кашеем некоторые старые тексты сообщают, что Поток, привезя свою лебедь-белую в Киев, крестил ее.

Зачем надо было жене Потока умереть безвременно — нет объяснения; только в тексте Кириши сказано глухо: «преставилася, мудрости искала над мужем своим». Равно не мотивирован и эпизод о совместном пребывании их в могиле. Согласно большинству вариантов былины, в могилу эту прогрызла ход змея лютая и провела туда своих змеенышей сосать груди у покойницы. Поток стал их рвать на двое и тем заставил змею принести живой воды, которою и воскресил свою жену. Этот эпизод мифической биографии «Лебеди-белой» сообщает наиболее мрачный колорит ее образу.

Что касается эпизода с Кашеем, то жена Потока показана здесь такой изменницей перед мужем, что сам Кашей стесняется наложить руки на преданного ею Потока и предоставляет развязку ей самой. Та обезоружила опоенного ею мужа и сделала его во чисте поле белым камнем.

Вот, приблизительно весь русский литературный материал, привязанный к девушке-лебеди. Включать все его разнообразие в одну мифическую

биографию нет никаких показаний. Здесь разумеются, вероятно, разные девушки-лебеди. Во всяком случае, одна из них действует благотворно, помогает и спасает, а другая вредит. Так, былинная Авдотья-Марья лебедь-белая страшна по судьбе, лиходейна и губительна для близких. Пожалуй, ее только и можно рискнуть сблизить с девой-обидой «Слова», которая, вступив на русскую землю в невеселую годину, выразила свою радость перед несчастьями русских плеском лебединых крыл подобно тому, как «готьскыя красныя девы въспеша на брезе синему морю, звоня рускым златомъ...»

Для девы с лебедиными крыльями «Слова» те же мифологи пробовали подыскать и восточные параллели. На параллелях индийских они, однако, подробно не останавливались (Поэтич. возвр., т. I, М., 1865, стр. 540; т. II, М., 1868, стр. 204 и 205), надо думать потому, что индийские параллели не показательны. Из восточных наиболее удачная параллель мимоходом отмечена Афанасьевым в сказке об Еруслане, монгольской или тюркской по происхождению.¹ В сказке о Еруслане говорится: «ровно в полдень прилетело великое стадо птиц-хохотуней... сели кругом дуба и учили изметываться красными левицами» (Поэтич. возвр., т. III, М., 1869, стр. 192, примеч. 3). Правильно сближая эпизоды Еруслана с авантюрами Шах-Наме, Стасов для данного эпизода не нашел там соответствия.

«По русской сказке, — пишет Стасов, — Уруслан совершает этот подвиг (т. е. овладение Зеленым парем, Огненный щит, Пламенное копьё) с помощью волшебного существа. Едет он, и сам не знает, где ему сыскать Зеленого царя: ни в которой земле о нем слухом не слыхано. И вот, он наезжает в поле на великий дуб, прячется под ним. Наступает полдень, летит великое стадо птиц-хохотуней и рассаживается на дубе. Посидев немного, они оттуда сходят на землю и превращаются в красных девиц. Конем своим Арашем Уруслан спугивает их и схватывает одну из них. Тщетно она оборачивается всяким зверем и всякой птицей и всякой гадinou: Уруслан держит ее крепко и требует, чтоб она научила, где ему отыскать Зеленого царя. «Господине Уруслане, — говорит она, — есть Зеленый царь, да никакой человек не может жив его видети». — А Уруслан молвил: «Девка, того мне не сказывай: не поставишь ты меня в царство Зеленого царя тотчас же, тебе живой не быти, и отпуска себе не чай от меня». И девка молвит: «Господине Уруслане, до Зеленого царя далеко: одному ехать от сих мест 12 месяцев, а я тотчас же поставлю тебя у Зеле-

¹ Влад. Стасов. Происхождение русских былин. Вестн. Европы, 1868, январь и июль (стр. 293, прим. 4).

ного царя, только меня не задержи, отпусти». . . По ее приказанию Уруслан ~~зажму~~ривается; три раза ступил на своем вешем Араше, «и девка молвит: Господине Уруслане, прозри! Ажно Уруслан стал на чистом поле, под царством Зеленого царя»; однако же он все-таки не отпускает свою волшебную помощницу: он приковывает ее к стремяни своего коня и отпускает лишь тогда, когда, после победы его над Зеленым царем, она опять в три мига становится его снова под дубом, где поймал ее вначале. (Происхождение русских былин. Вестн. Европы, 1868, янв., стр. 181 и 182.) По словам Стасова, «все это находится, в несколько ином виде, в 4-м и 5-м приключениях Рустема, но с тою разницею, что то, что рассказывается в персидской поэме о двух отдельных личностях, помогавших Рустему, слито у нас в одной». Т. е. вместо птицы-хохотуны, перекинувшейся девицей, в Шах-Наме действуют волшебница, превращающаяся из отвратительной старухи в прекрасную девицу и обратно, и молодой царь Аулад (там же, стр. 182).

В повести об Еруслане акад. В. Ф. Миллер объяснял русское прозвище птиц-девушек «хохотуны» из тюркского «ку-катун», что означает: лебедь-женщина (Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892). Таким образом исследования Стасова и Миллера выяснено, что в монгольско-тюркской повести об Еруслане участвует образ лебеди-девы и что этот образ не заимствован сюда с персидского (Шах-Наме).¹

Встреча рассматриваемого образа в монгольско-тюркской литературе обратила нас к дальнейшему здесь исканию, результатами которого мы теперь и поделимся.

В 1931 г. Академия Наук издала труд Н. Н. Поппе под заглавием «Аларский говор». Вторая часть этого труда включает в себе тексты устного творчества бурят с переводом на русский язык. Вот здесь, в замечательной былине «Ермей Богдо Хан» рассказывается между прочим, как жена насильника-царя Лубсагалдая Мангатхая помогла богатырю Галте Могой Мэргэну отомстить помянутому царю за насилие над отцом и матерью Галты Могой Мэргэна.

В поездке против Лубсагалдая Мангатхая Галта Могой Мэргэн преодолел много препятствий и наконец догнал его на ханской проезжей дороге. Лубсагалдай Мангатхай принял вызов на бой, но пригласил Галту Могой Мэргэна сначала отдохнуть. «Я испытаю твою силу, какой она величины

¹ Попутно заметим, что в героических песнях минусинских татар, изданных Шифнером, Стасов нашел еще эпизод с крылатой девой: богатырь Алтын-Айра, преследуя деву Алтын-Арег, летящую на орлиных крыльях, бьет коня с такой силой, что тот в три прыжка перепрыгивает три земли (Происхождение русских былин. Вестник Европы, 1868, янв., стр. 206).

сегодня, когда ты устал! Идем к нам!» сказал он. «Отдыхай в течение десятка суток. Будем спать в одной постели, будем есть из одной чаши, будем хлебать одной ложкой». Так говорил он и разговаривал. «Что же!» сказал Галта Могой Мэргэн, и они оба повернули назад. Он отправился к Лубсагалдаю Мангатхаю... и вошел в его дом... В прекрасной задней половине сидела удивительно красивая госпожа... Лишь только Галта Могой Мэргэн вошел, она бросила шитье назад и сидит складно и ладно. Галта Могой Мэргэн приветствовал ее... Супруга Лубсагалдая Мангатхая налила чаю и поднесла ему. «Вы, юноша, какой страны, какой воды?» спросила она. «Ты какого хана подданный?...» — «Я прямо с юго-западной стороны, я из страны, на расстоянии тысячи лет пути. Я Галта Могой Мэргэн, рожденный на земле, сын Еремея Богдо Хана». Эга самая царица вытянула шею, ударила в полу и спросила: «Зачем ты пришел? У человека, находящегося в живых, имущество впереди. Здесь виден только приход людей, пришедших сюда, но, чтобы они уходили, не видно», говорит она. Он спрашивает эту самую царицу: «Ты чья дочь?» — «Я — дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия»,¹ отвечает она. «Купаясь в воде, я обманчивым образом лишилась своей лебединой одежды и осталась на земле».

Вошел Лубсагалдай Мангатхай и стал пировать с Галтой Могой Мэргэном. «Они провели трое суток, спя на одной постели, едя из одной чаши и хлебая одной ложкой. Провели четверо суток. Вели они между собою древние речи, рассказывали древние истории... Они состязались в древних речах: „Эго твое не так! То твое не так!“», говорили они. Хватали друг друга за воротники и таскали друг друга».

Так начался их бой между собою и продолжался затем пять лет, после чего они выпили желтое море досуха. «Эта наша местность разрушилась, пойдем в здоровую местность», сказали они и отправились вдвоем. Вошли туда, входя вместе в обнимку. Они провели сверх пяти лет девять лет. По прошествии девяти лет Лубсагалдай Мангатхай закричал, глядя в сторону своего дома. Его жена вышла, и он закричал: «Иди!» Он сказал жене: «Человеку, которому задумали белое, бросают белую крупу. Человеку, которому задумали черное, бросают черную крупу». Жена его вбежала обратно в дом. Она вынесла в правой руке черную крупу, вынесла в левой руке белую крупу. Крупу, что была в левой руке, она бросила под ноги своего бурята. Под Мангатхаем появился лед. Мангатхай поскольз-

¹ Т. е. великого небесного бога, владеющего желтой книгой судьбы; см. ту же былинку, стр. 120.

нулся. Под бурятом сделался песок. Это хорошо для ступания. Мангатхай поскользнулся и упал. Мангатхай ползает на четвереньках».

Не будучи в состоянии окончательно повалить его, Галта Могой Мэргэн велел жене Мангатхая принести топор мужа весом в сто пудов. Топор, однако, не взял Мангатхая, который взмолился, чтобы его убили без мук, и объяснил, что умрет, если обернут ему голову войлоком от роженицы. Жена добыла такой войлок; обернутый им, Мангатхай умер, и Галта Могой Мэргэн предал его тело сожжению. После того как Галта Могой Мэргэн «победил своего врага и исполнил задачу», вдова Мангатхая отвела его за руку домой. Здесь она рассекла Галту Могой Мэргэна пополам, выкинула всю его внутреннюю скверну, омыла и, «сделав его более искусным, чем прежде», посадила его в юрте по правую сторону и стала угощать. От нее узнал он, где живут лишенные Мангатхаем царства, искалеченные и плененные отец его (Еремей Богдо Хан) и мать (Гэрэл Уга). По указанию хозяйки, Галта Могой Мэргэн нашел своих родителей-стариков в травяном шалаше, открылся им и вывез их в медный дворец Мангатхая. Здесь та же вдова Мангатхая рассекла родителей Галты Могой Мэргэна, очистила их от скверны и восстановила лучшими, чем прежде.

«Они сидят и беседуют, наливая чаши мерой на десять человек. Они сидят и беседуют и болтают за двадцатерых. Галта Могой Мэргэн сказал: „Я вернусь домой. Зачем нам быть в чужой стране?“ Когда он так сказал, супруга Мангатхая сказала: „Мои лебединые одеяния засунуты между камнями в стране за тридцать лет пути прямо на северо-восточной стороне. Пожалуйста, принеси их мне“. Он (т. е. Галта Могой Мэргэн) отправился к своему сизо-саврасому мерину, оседлал его, взнуздal его и достиг четырехугольной белой скалы в местности, отстоящей на тридцать лет пути, прямо в северо-восточной стороне. Он расковырял скважину в камнях саблей, приподнял их и взял лебединую одежду. Он пришел в дом Мангатхая. Дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия, надев лебединые одеяния, порхает и летает под дымовым отверстием, став лебедицей. Тогда она сказала Галта Могой Мэргэну: „Возьми свое имущество и собственных подданных. Имущество, которое не нашло своего хозяина, ты не возьмишь“. Так сказала она. Затем пожелала она им благополучия, попрощалась и, став лебедицей, поднялась через дымовое отверстие к Эсэгэ Малан Тэнгрию» (стр. 130—135).

Эта былина замечательна тем, что не замыкает в данном эпизоде всей темы полностью и позволяет предполагать у монголов существование и других эпизодов из биографии девы-лебеди. Царица жена Мангатхая говорит

про себя: «Я — дочь Эсэгэ Малан Тэнгрия... Купаясь в воде, я обманным образом лишилась своей лебединой одежды и осталась на земле». Из этих слов мы прежде всего заключаем, что лебедь-женщина не является только поэтической деталью монгольских повестей, а настоящим членом монгольского небесного Олимпа, дочерью великого бога Тэнгрия, обладающею лебединой одеждой. Этой принадлежности небесной девы выпала роль в мифе. Снятая, например, при купанье, лебединая одежда подвергалась похищению, что заставляет небесную деву остаться на земле, пока не возвратится ей прежняя оболочка. Нет сомнения, что такое похищение стало любимой деталью монгольского повествования, и недосказанную в данной былине мотивировку происшествия (какой-то обман) надо искать в других монгольских повестях.

В ответ на предположение о популярности данного мотива у монголов Н. Н. Поппе сообщил нам конспект былины «Мани Бадар дзанги», записанной у Халха-монголов в 1927 г.¹

Жил был Мани Бадар дзанги нашего хошуна. Однажды он увидел, что конь его Сандзай Шарга исхудал, и, узнав от коня, что он поправится и станет лучше прежнего, если будет пить воду из источника ламы Ашийн, он пустил его в табун ламы. Через два месяца конь стал краше прежнего. Поехав верхом на коне, Мани Бадар дзанги увидел у золотого источника белую лебедицу, которую нищие поймали при помощи похищенного ими аркана. Нищие собрались съесть лебедицу. Тогда Мани Бадар дзанги выменял ее, отвез на желтую Тамгинскую равнину и отпустил, после чего она превратилась в прекрасную девушку. Она оказалась младшей дочерью небесного хана Джагармиджида. Девушка заявила ему, что хочет стать его женой, но он долго отказывался, говоря, что у него нет даже чистого помещения для нее. Тогда девушка выхватила платок, махнула им, и появились три прекрасных золотых дворца. В этом дворце они и зажили счастливо и радостно.

Жил был хан Хара Бэтэгэн. Однажды он увидел в подзорную трубу, что в пустынной местности появился дворец. Послав туда своих пажей (хя), он узнал от них, что живет там Мани Бадар дзанги. Отправившись к старику (гадальщику, кудеснику), он велел ему погадать и узнал, что нет на земле мужа лучше Мани Бадар дзанги. После этого хан велел погадать ему о том, возможно ли ему отнять у того жену, и узнал, что предприятие это очень опасно. После этого хан послал за Мани Бадар дзанги и отпра-

¹ Вариант этого конспекта напечатан Н. Н. Поппе в «Проблемах изучения бурят-монгольского фольклора», стр. 69.

вил его за сбором податей, а сам послал его жене приглашение на пир. Когда хан хотел схватить ее, она превратилась в птицу. Дворец, в котором она оказалась заперта, был обложен со всех сторон топливом и подожжен. Тогда она вылетела из дворца и решила ждать своего мужа три года.

Мани Бадар дзанги тем временем вернулся и узнал обо всем случившемся. Отправившись искать жену, он увидел ее платок, на котором кровью было написано, что он подъедет к трем морям, и что он должен из одного моря напоить коня, водой второго обмыть свой лук и сайдак, а из третьего утолить свою жажду, после чего появится однорогий сивый бык, верхом на котором ему нужно продолжать свои поиски. Мани Бадар дзанги так и сделал. Он подъехал на быке к золотому колодцу, куда пришли две девушки, ставшие брать воду. Узнав от них, что они носят воду самой младшей из семи дочерей небесного хана Джагармиджида, он опускает в ведро колечко, полученное им от жены. Когда они пришли домой и стали поливать руки красавицы водой, ей на руки упало колечко. Узнав от девушек, что у колодца стоит прекрасный витязь, она попросила у отца разрешение спуститься к нему. Спустившись к Мани Бадар дзанги, она узнала его, и они зажили счастливо и благополучно. Затем они отправились домой, взяв в приданое детей и молодой скот, за которыми потянулись и их родители. Прибыв к хану Хара Бэтэгэн, они выстроили недалеко от него шалаш. Мани Бадар дзанги пошел к хану, и в ответ на его вопрос, чего он хочет, он сказал, что заберет все его имущество и ханский престол. Тогда стали его гнать. Узнав, что это Мани Бадар дзанги, хан предложил ему золото, серебро и даже свой престол, но Мани Бадар дзанги сказал, что приедет за всем этим послезавтра, и пригласил хана к себе. Хан приехал и, выпив у него вина, собрался уезжать. Тогда жена Мани Бадар дзанги спустила на него собак, которые его растерзали. Мани Бадар дзанги стал ханом и устроил большой пир.¹

Судя по этим параллелям, монгольские девы-лебеди были добродеевцами. Их, должно быть, имела в виду желтая книга судеб, говоря: «там (где-то в далекой стране) спустились с неба три дочери Эсэгэ Малан Тэнгрия, которые воскрешают мертвых и обогащают обедневших» (Аларский говор, II, стр. 161). Затем следует еще отметить, что, не исключая и Ерусалана, монгольские тексты с девой-лебедью связаны многими мотивами с русскими сказками, так что кое-в-чем можно заподозрить и заимствова-

¹ Другие случаи обращения женских и мужских персонажей в птиц, встреченные нами в былинах «Еремей Богдо Хан» и «Хан Сэксэй Мэргэн» опускаем как непоказательные (Н. Н. Поппе. Аларский говор. Ч. II, Л. 1931, стр. 115, 143, 146, 148, 152, 168).

ние. Но все же в виду действительно мирового распространения темы о захваченной на земле небесной девице-лебеди, благодетельствующей герою, следует, повидимому, возвести этот образ к стадии мифологического мышления, которую независимо когда-то проходило много человеческих обществ.

Что же касается девы-обида «Слова о полку Игореве» и зловещей лихойдейки былины о Потоке, то, едва ли связанные одним общим мифом, они остаются пока вне истории русских и монгольских параллелей.

По отношению к деве-обиде возможно оставить в силе мнение Афанасьева, который сближает ее с чудесными воительницами других литератур. «Воинственным характером своим валькирии сходятся с сербскими вилами; они приносят с собой войну и все ее ужасы, что напоминает нам чудесную деву „Слова о полку Игореве“, которая плескалась на синем море лебедиными крыльями и названа Обидою... Название Обида согласуется с теми собственными именами, какие приданы небесным воинственным девам в преданиях греков и германцев; например, Распря, Победа и пр.» (Поэтич. воззр., т. III, М., 1869, стр. 191). «Между собственными именами валькирий известны еще Hildir и Gunr (Gudhr), означающие ругна, ргоelium, что указывает на олицетворение понятий битвы, войны — точно также у греков были олицетворены Ἔρις (распря, вражда), которую Зевс посылал возбуждать усобицы между людьми, Ἐπιώ, Νίκη, у римлян Bellona, Victoria и у славян Обида, дева с лебедиными крыльями» (там же, стр. 367).

Благодетельной же девой русской древности не могла ли быть Лыбедь, сестра основателей Киева, помянутая в «Повести временных лет» (Поэтич. воззрения, т. II, стр. 218)?

Допустим еще одно сближение. В 38-й главе сочинения об управлении государством Константин Багрянородный пишет, что «народ турков (т. е. угров) обитал некогда близ Хозарии в местности Лебедии (Λεβεδίαι)». Может быть, существует некоторая связь между этой страной и той, где действовала лебедь-дева Слова о полку Игореве?¹

¹ К. Я. Грот. Моравия и мадьяры, СПб., I, 1881.